

— У меня ограниченное количество деревянных ведер, вы можете подготовить свои, чтобы перевезти мои овощи в окружной город или уезд, — с улыбкой сказал Лю Яоцин. — Кроме того, я могу предложить ограниченное количество помидоров, каждый может взять небольшую корзину.

С каждым днем становилось все холоднее, в огородах уже не было овощей, и каждая семья питалась либо дикими травами, либо капустой сун, которая была водянистой и практически безвкусной. Есть это изо дня в день уже надоело, и теперь, когда Лю Яоцин предложил несезонные овощи, те, у кого не было недостатка в серебре, обязательно купили бы их.

Когда блюда начали подавать, Гао Фугуй, попробовав, сразу же сказал:

— Похоже, мне нужно съездить в окружной город, сидеть дома все время — не дело, нужно размяться.

В этом году Гао Фугуй много путешествовал, и теперь, хотя он был немного худее обычного, он уже не выглядел как человек, наполовину в гробу. Он пришел с мыслью, что, что бы ни сказал Лю Яоцин, он будет поддерживать его безоговорочно, даже ради собственной жизни, не говоря уже о таком хорошем деле.

У торговцев было мало серебра, и им пришлось потратиться на ведра, но все они согласились, понимая, что это возможность заработать большие деньги. Только дурак отказался бы.

В тот же день, после обеда, на следующий день многие пришли с ведрами, и Лю Яоцин отдал им треть овощей из теплицы. Все красные помидоры были собраны и поделены между ними.

Получив большое количество серебра, Лю Яоцин с радостью отправился осматривать саженцы в другой теплице.

— Я осматриваю их по десять раз в день, и они растут прекрасно, — сказал Бао-гэр, чьи раны уже зажили, а лицо стало более полным. Он выглядел более жизнерадостным, и даже Лао-гэр казался моложе.

Они практически не покидали теплицу, целыми днями ухаживая за саженцами, как за новорожденными младенцами.

— Очень хорошо, — кивнул Лю Яоцин. — Давайте разрыхлим землю с обеих сторон и посадим их. Эти саженцы растут быстро.

Когда саженцы немного подросли, Лю Яоцин наконец понял, что это были клубника и огурцы — культуры, которые легко выращивать и которые, если он не ошибался, должны были дать обильный урожай.

— Цин-гэр, стой на месте, я сам сделаю, — увидев, что Лю Яоцин берет мотыгу, Чжэцзы-гэ поспешил к нему.

Неохотно присев на теплый пол, Лю Яоцин оперся подбородком на руки:

— Чжэцзы-гэ, я тоже хочу работать.

В итоге Чжэцзы-гэ так и не позволил Лю Яоцину испачкать руки. Посадка саженцев выглядела простой, но постоянные наклоны утомляли, и Чжэцзы-гэ не хотел, чтобы Лю Яоцин устал, поэтому попросил его поливать саженцы.

Бао-гэр и Лао-гэр за один день посадили все саженцы.

Теперь работа стала легче, нужно было только наблюдать за ростом, и не требовалось так много физического труда.

— Я не особо разбираюсь в том, как выращивать эти культуры, но, думаю, справимся, — сказал Лю Яоцин, видя, как Бао-гэр напряжен. — Бао-гэр, не переживай, даже если что-то пойдет не так, у меня еще есть семена.

— Понимаю, — улыбнулся Бао-гэр, но его выражение не изменилось.

Зная, что Бао-гэр сам хочет заботиться о саженцах, Лю Яоцин улыбнулся и не стал больше говорить. Он будет следить, чтобы Бао-гэр не перетрутился, тем более, что в последнее время он становился все более активным, и, скорее всего, не устанет.

Выйдя из теплицы с Чжэцзы-гэ, Лю Яоцин отправился в мастерскую лепешек.

Снаружи было так холодно, что вода замерзала, но, войдя внутрь и откинув завесу, они ощутили исходящее тепло. В комнате стояло несколько печей, женщины неустанно готовили лепешки, а Су Ци и Юй-гэр, греясь в помещении, переворачивали готовые лепешки, складывали их и упаковывали.

Сюань-гэр, стоявший у входа, сразу же заметил Лю Яоцина и сказал:

— Цин-гэр, заходи, погрейся.

— Все в порядке? Не перетруждайтесь, — улыбнулся Лю Яоцин. — Скоро Новый год, постарайтесь, а потом я выплачу зарплату и дам премию, чтобы вы могли отдохнуть.

— Цин-гэр, ты всегда щедрый, — с улыбкой сказал Сюань-гэр.

Недавно родственники Сюань-гэра снова приехали. Его мать пришла с братьями, настроенными агрессивно. В тот момент Сюань-гэр был на горе, но, услышав новости, сразу же снял фартук и пошел домой, не позволив Лю Шуйхэ и бабушке У выйти наружу. Он взял кухонный нож и погнался за братьями, даже пролив кровь.

Сюань-гэр сам говорил, что он не умеет спорить, но теперь, когда он зарабатывает серебро, он не позволит родственникам забрать его и не даст им обременять его семью. Даже если бы он действительно убил кого-то ножом, в ямэнь он бы пришел с чистой совестью.

Деревенские жители говорили, что Сюань-гэр — человек решительный, но Лю Шуйхэ и бабушка У ничего не говорили, а относились к нему еще лучше.

Теперь Сюань-гэр работал в мастерской лепешек, а вечером бабушка У обязательно прогревала для него кан, а Лю Шуйхэ готовил горячую еду. Еда была не самой изысканной, но они искренне заботились о Сюань-гэре.

Теперь жизнь в доме Сюань-гэра процветала, и хотя некоторые деревенские жители сплетничали, в глубине души они завидовали.

Лю Яоцин немного погрелся в мастерской, затем осмотрел комнату с лепешками, проверил учетную книгу и, не найдя ошибок, вернулся с Чжэцзы-гэ в комнату, чтобы укрыться на кане.

Снаружи было настолько холодно, что Лю Яоцин развернул одеяло, забрался на кан и укрылся.

Мао Бай, увидев это, тоже забрался под одеяло, его маленькие черные глаза с любопытством смотрели на Лю Яоцина, который достал тарелку с жареным арахисом.

— Чик-чик, — Мао Бай хотел попробовать.

Лю Яоцин очистил один арахис, снял красную кожуру и положил его в рот Чжэцзы-гэ, затем ткнул Мао Бай в голову:

— Ты же не ешь это, только мясо, я знаю.

— Чик, — Мао Бай перекатился под одеялом, пытаясь сесть, как Лю Яоцин, но понял, что его ноги слишком тонкие, а тело слишком круглое, и это не сильно отличалось от лежания.

Чжэцзы-гэ еще не забрался на кан, он разогрел руки, стоя перед каном, и, засунув их под одеяло, начал нежно массировать холодные ноги Лю Яоцина.

— Чжэцзы-гэ, забирайся на кан, здесь тепло, — Лю Яоцин немного смутился. — У меня всегда холодные руки и ноги зимой, но они согреются.

— Ничего страшного, — Чжэцзы-гэ согрел ноги Лю Яоцина, затем помассировал его ноги и только потом забрался на кан.

В отличие от Лю Яоцина, Чжэцзы-гэ был одет не слишком тепло, но его ноги были теплыми, и даже носки были сухими, без капли пота. Лю Яоцин любил засовывать свои ноги под одеяло к Чжэцзы-гэ, кладя их на его ноги.

Слишком уж холодно было, чтобы думать о скромности.

К тому же теперь Син-гэ часто спал в соседней комнате, и Чжэцзы-гэ спал здесь. Хотя вечером они ложились спать каждый под своим одеялом, утром Лю Яоцин часто обнаруживал, что он перебрался под одеяло Чжэцзы-гэ, обняв его.

В первый раз он чувствовал себя неловко, сердце билось чаще, но постепенно привык, и теперь Лю Яоцин сам прижимался к Чжэцзы-гэ.

Они еще не поженились, но были почти как семья, даже ближе.

— Цин-гэр, ты здесь? — Лю Яоцин услышал голос за дверью.

— Это Чжун-гэ? Заходи, — громко ответил Лю Яоцин.

Действительно, это был Чжун-гэ, одетый в поношенную теплую одежду, в дырявых ботинках, дрожащий от холода, с красным носом, но с радостным выражением лица.

— Что случилось? — Лю Яоцин подвинул арахис, предлагая ему.

— Моя жена беременна, — с радостью сказал Чжун-гэ.

— А, — Лю Яоцин кивнул, он примерно догадывался, почему Вэй-ши вернулась.

Когда Чжао Цзытэн приехал в деревню, Вэй-ши несколько раз подходила к нему, и в конце концов уехала с ним. Похоже, она не страдала, и Чжао Цзытэн, вероятно, из уважения к Лю Яоцину, не стал ее мучить.

Однако Вэй-ши уехала с ним, и, вероятно, все, что должно было случиться, случилось. Чжун-гэ, вероятно, знал об этом, но все еще любил Вэй-ши и не хотел отпускать.

Старик Лю, похоже, избегал разговоров о Вэй-ши, вероятно, не желая раздувать скандал. Эта невестка все еще была нужна, и если Вэй-ши вернулась, чтобы жить, то она будет жить с Чжун-гэ.

<http://bllate.org/book/16688/1532045>